
ФЕНЕЛОН И ЛОМОНОСОВ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Ангелина Вачева

Общеизвестно уважение основательницы Российской академии Е. Р. Дашковой к филологическому наследию М. В. Ломоносова¹ и к сочинениям классика раннего Просвещения Ф. Фенелона. Однако малокомментированным остается вопрос об истоках программы деятельности созданной в 1783 г. Российской академии. Один из возможных образцов – филологические взгляды Ф. Фенелона, изложенные в его «Письме в Академию» (1714), написанном накануне выхода в свет второго издания Словаря Французской академии, создание которого затянулось на добрую четверть века.

«Письмо» было написано в ходе обсуждения задач дальнейшей деятельности учреждения. В конце 1713 г. секретарь Французской академии А. Дасье обратился к ее членам с просьбой высказать свое мнение как по поводу работы над Словарем, так и о дальнейших путях развития Академии. Текст «Письма» и последовавшая за ним переписка с А. Ударом де Ла Моттом о «древних и новых» стали лебединой песней знаменитого писателя и педагога; через три месяца его не стало². Этот факт придал «Письму» характер завещания потомкам, которое, благодаря авторитету автора, получило широкую известность и повлияло на развитие не только француз-

¹ *Волперский В. П.* Е. Р. Дашкова – выдающийся филолог и организатор академической науки в XVIII веке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 4. С. 5.

² *Mazure A.* Préface // Lettre à l' Académie Française sur la grammaire, la rhétorique, la poétique et l' histoire par Fénelon. Paris, Berlin, 1879. P. III–IV. Далее ссылки на «Письмо» Фенелона приводятся в тексте статьи с указанием в скобках страницы по этому изданию.

ской филологической мысли того времени, но и на общеевропейские культурные процессы.

В «Письме в Академию» Фенелон очерчивает основные задачи как самого учреждения в социальной жизни страны того времени, так и конкретные проблемы, стоящие перед французской филологической мыслью эпохи в связи с кодификацией французского литературного языка, а также с осознанием возросшей культурной роли Франции в европейском пространстве.

В тексте «Письма» несколько разделов, посвященных собственно Словарю (“*Du dictionnaire*”), а также необходимости составления грамматики, находящейся в тесной связи с нормативными установками Словаря (“*Projet du Grammaire*”). Другой важной проблеме посвящен третий раздел письма, «Проект обогащения языка» (“*Projet d'enrichir la langue*”), предлагающий при отказе от обветшалых слов сохранять из старой лексики то, что доступно и понятно современникам. Эта задача, по мнению Фенелона, должна быть поставлена перед людьми «хорошего вкуса»; легче всего выбор таких слов можно произвести на материале латинского языка, не только по причине благозвучия латинских звуков, но также из-за того, что «они связаны со многими словами, которые укоренились во французском языке и ухо к ним уже привыкло» (“*ils tiennent à d'autres mots qui ont déjà pris racine dans notre fonds; l'oreille y est déjà accoutumée*”, р. 9). Следует напомнить, что в конце XVII – начале XVIII века латынь все еще оставалась широко распространенным литературным языком, и даже знаменитый словарь П. Бейля по меньшей мере на треть состоит из латинских вставок. Фенелон настаивает на развитии лексической синонимии, так как «нет таких слов, которые бы были абсолютно синонимичны между собой» (р. 7). Писатель не отвергает также возможность заимствований «у соседей» всех слов, которые им кажутся «удобными» (“*commodes*”), как это делают англичане (р. 8), но в то же время к иностранным словам надо подходить с должной осторожностью, чтобы не сделать французский язык «огромной и безобразной кучей», в которую «свалены» элементы языков других народов, носителей совершенно иного духа (“*génie*”). Таким образом, Фенелон проявляет себя как умеренный пурист, который осознает неизбежность процесса заимствований и стремится ввести его в рациональные рамки. Неологизмы, по мнению Фенелона, – это инструмент, способствующий избежанию двусмысленности.

Четвертый и пятый разделы «Письма в Академию» посвящены риторике и поэтике (“*Projet de Rhétorique*”; “*Projet de Poétique*”). В них автор развивает особенно дорогую его сердцу идею культурной памяти. В этих разделах в синтезированном виде представлена позиция Фенелона в споре

«древних и новых», которая была достаточно своеобразной и лишена крайностей, в которые склонялись обе стороны. Фенелон широко иллюстрирует свои суждения цитатами из древних – греческих и римских – авторов: Аристотеля, Платона, Демосфена, Цицерона, Квинтилиана, Лонгина, Тита Ливия, Овидия, Вергилия, Горация (творчество последнего станет особым предметом эпистолярного диалога с Ударом де Ла Моттом, что позволит впоследствии многим критикам сравнивать фенелоновское «Письмо» с «Посланием к Пизонам»³) и ряда других. Фенелон часто ссылается на Библию и отцов церкви, прославившихся своим красноречием: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Блаженного Августина. Привлекают его внимание и «новые» авторы – М. Монтень, П. Ронсар и Ф. Малерб, Н. Буало и Ж. Расин. В этом отношении из русских авторов – первопроходцев классицизма – к нему ближе В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков со своими эпистолами и теоретическими работами об отдельных жанрах. Фенелон ратует за умеренность в украшениях, за «простоту» и понятность возвышенного; ему близка идея поэзии как говорящей живописи, поэтому он вводит для большей иллюстративности своих рассуждений параллели с Рафаэлем и Тицианом. Остальные разделы посвящены одному из главных жанров французского классицизма – трагедии (хотя здесь Фенелон рассуждает и о драматургии вообще, и о комедии), а также проблемам создания исторических сочинений, которые вплоть до XIX века многие воспринимали как часть художественного творчества. Заключают «Письмо» разделы, в которых Фенелон отвечает на возможные упреки со стороны своих критиков и специально останавливается на проблеме «древних и новых», столь актуальной для его эпохи.

Отзвуки филологических идей Фенелона слышны в основных работах М. В. Ломоносова по реформе русского литературного языка и жанровой системы русской литературы XVIII века – в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке», «Риторике», в предисловии к «Российской грамматике». Предлагая реформу литературного языка и введение «трех стилей», Ломоносов так же стоял перед дилеммой старого и нового языка, как и Фенелон. Как и французский теоретик, устанавливая грамматические правила, он исходил из непосредственной языковой практики, считаясь с живым языком. Грамматика для него, как и прежде для Фенелона, а впоследствии – для Российской академии и Е. Р. Дашковой, должна была представлять необходимую норму. Любопытно, что у Фенелона так же можно найти идею «молодости» французской культуры, как у русских ав-

³ *Mazure A. Préface... P. IV.*

торов середины XVIII века, в том числе и Ломоносова, – о новизне российской. «Я заметил, – пишет Фенелон, – что у греков есть длительная традиция, которой у нас нет <...> У нас не сохранилось никаких впечатляющих памятников красноречия ни от наших древних парламентов, ни от наших древних собраний, ни от встреч знатных...» (р. 13–14). С другой стороны, он отдавал себе отчет в том, что французский язык уже становится образцовым для многих других народов. Фенелон, как и более поздние теоретики французской словесности, ориентировался на ведущее место французского языка и культуры в тогдашней Европе: «Этот “Словарь” найдет разнообразные применения. Он послужит иностранцам, которые проявят любопытство к нашему языку и которые будут читать с пользой великолепные книги разных жанров, сочиненные во Франции» (р. 4). Ломоносов же сообщает с гордостью, что все качества универсального языка присущи русскому, который в его представлении становится общим в огромной многонациональной империи: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе», – пишет Ломоносов в начальных строках предисловия к «Российской грамматике»⁴. По его мнению, русский язык соперничает по своим качествам с другими языками больших европейских наций. Широко известны его слова о том, что в русском можно найти «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». Реминисценцию на них можно найти в начале речи княгини Дашковой при открытии Российской академии:

«Государь мои!

Новый знак попечительного о нашем просвещении промысла всеавгустейшей нашей монархини – вина настоящего собрания. Содеятельница толиких наших благ дает новое отличное покровительство и российскому слову, толь многих языков повелителю. <...> Вам известны обширность и богатства языка нашего. На нем сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндара лира не теряют своего достоинства; тончайшие философические воображения, многообразные естественные свойства и премены, бывающие в сем видимом строении мира, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи...»⁵.

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 391.

⁵ Дашкова Е. П. Литературные сочинения. М., 1990. С. 265.

Одно из главных сходств между филологическим мышлением Фенелона и Ломоносова – это прагматизм авторов. Здоровый смысл, рационализм – общая черта их взглядов. Как Фенелон за много лет до него, Ломоносов утверждает, что правила «должны быть, первое, кратки, чтобы, не отяготить памяти многим изусть учением <...>; второе, порядочны, для того, чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, удовлетворены примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений»⁶. Для русского ученого важен не только чисто филологический аспект упорядочения языка грамматикой, но ее применимость на практике людьми, далекими от литературы: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики»⁷. «Желательно, как мне кажется, присоединить к Словарю французскую грамматику: она во многом поможет иностранцам, которые затрудняются нашими неправильными фразами. Привычка говорить на нашем языке мешает нам почувствовать, что именно препятствует им. Однако большая часть французов имела бы необходимость время от времени считаться с этими правилами: ведь они выучились своему языку лишь в употреблении, а употребление везде имеет свои недостатки» (р. 5), – писал Фенелон во второй части «Письма», посвященной необходимости создания грамматики.

Трудно сказать, насколько Ломоносов был знаком с филологическими идеями Фенелона. Установлено, что ему был известен ряд французских авторов, среди которых Ш. Роллен и Ф. Лами, а также он читал грамматику Пор-Рояля. Вполне вероятно, что хотя бы частью тезисы Фенелона дошли до Ломоносова через немецкое посредство; один из возможных посредников – И. К. Готтшед, который оказал значительное влияние на формирование поэтики и филологических интересов Ломоносова⁸. Однако схожие задачи в области кодификации национального языка и литературы, к решению которых каждый из них в свое время был причастен, позволяют проводить сравнение между их взглядами. Многие идеи Фенелона в области риторики и поэтики, которые имеют аналогию в творчестве других представителей русского классицизма, более близких к французской культуре, какими были Тредиаковский и Сумароков, а также деятельность Академии Российской по составлению Словаря и изданию русских текстов, как древ-

⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 93–94.

⁷ Там же. С. 392.

⁸ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 307, 312.

них, так и современных, позволяют поставить вопрос о судьбе взглядов этого влиятельного автора в России XVIII века, которая далеко не исчерпывается популярностью «Приключений Телемака» и трактата «О воспитании девиц».

Сходство с «организационными» идеями французского мыслителя можно увидеть также в письмах Ломоносова, посвященных деятельности Академии наук. Многие из высказанных положений, в свою очередь, получили воплощение в документах Российской академии.

Организация работы над Словарем Академии Российской: разделение сотрудников на нескольких «отрядов» (Объяснительный, Грамматикальный, Издательный; Словопроизводный и Технический)⁹, выбор в сотрудники знающих людей «со вкусом», которые были лицом тогдашней русской литературы, культуры и науки; ориентация не только на книжный язык, но и на живую речь, в т. ч. и областную (хотя и в ограниченном количестве), на язык различных профессиональных кругов; интерес к семантическим оттенкам лексем, – все это может свидетельствовать о внимании к филологическому наследию Фенелона, положенному в основу деятельности Французской академии в начале XVIII века. Умеренные пуристические установки Российской академии, сформулированные Н. Я. Озерецковским, потребовавшим исключения лишь слов «без нужды введенных» и оставления «уже получивших права гражданства», может быть, и были результатом здравого разума¹⁰, но подобная позиция, как мы уже видели, содержится в «Письме» Фенелона.

Собирание и изучение истории и памятников старины как важнейшие задачи, которые ставила перед собой Российская академия, также имеют аналогию с теми задачами, которые поставил перед Французской академией за семьдесят лет перед тем Фенелон.

Таким образом, сочетание национальной филологической традиции, символом которой для членов Академии Российской и, в первую очередь, для ее основательницы, княгини Е. Р. Дашковой, стало наследие М. В. Ломоносова, и французской, получившей значение универсального образца, одним из символов которой был Франсуа де Ла Мот Салиньяк де Фенелон, обеспечило конечный успех, несмотря на все трудности, которые встретились российским академиком на пути к составлению первого академического Словаря.

⁹ *Файнштейн М. Ш.* Е. Р. Дашкова и «Словарь Академии Российской» (1783–1794) // Е. Р. Дашкова: личность и эпоха. М., 2003. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 65.